

М.С. Горбачев: «...Следующей по значению кадровой проблемой стала смена первого секретаря МГК, в просторечии – московского губернатора. Всем было очевидно: руководство столицы выдохлось, полагаться на его способность работать по-новому безрассудно. Москва, которую торжественно обещали превратить в “образцовый коммунистический город”, переживала серьезные трудности с жильем и снабжением, падал ее производственный и интеллектуальный потенциал... Тогда мало кто сомневался в необходимости замены Гришина, хотя сам он думал по-другому и даже претендовал на более высокие посты. Человек крайне самоуверенный и болезненно властолюбивый, он не терпел вокруг себя сколько-нибудь ярких, самостоятельно мыслящих людей. Неудивительно, что в Московском комитете не оказалось фигуры, обоснованно претендующей на роль “первого”, – пришлось искать ее на стороне. Так совпало, что одновременно надо было менять председателя Моссовета. В.Ф. Промыслов, занимавший этот пост на протяжении двух десятилетий, прослыл бездельником. Он умел и себя подать публике, и начальству “втереть очки”, на том держался.

Отсюда начинается политическая карьера Ельцина, во всяком случае – столичный ее этап. Я уже упоминал о его назначении заведующим Отделом строительства ЦК КПСС. Обычно претендентов на подобные роли искали среди секретарей, а среди них выбор на Бориса Николаевича пал не случайно. Он отвечал всем требованиям по анкетным данным: несколько лет руководил домостроительным комбинатом, работал заведующим строительным отделом обкома, а с 1976 года – первым секретарем Свердловского обкома.

Лично я знал его мало, а то, что знал, настораживало. В бытность мою секретарем ЦК проверялась работа свердловской парторганизации в области животноводства. Комиссия критически оценила деятельность обкома. Ельцин позвонил мне и попросил не вносить в ЦК подготовленную аналитическую записку, а направить ее в обком для обсуждения и принятия мер на месте. Тогда я курировал Секретариат ЦК и решил пойти навстречу свердловчанам: пусть разберутся сами, дело ведь не в том, чтобы устроить им разнос. Однако,

вынеся записку формально на обсуждение, он не только не счел нужным ознакомить с ее содержанием участников пленума обкома, но, по сути дела, дезавуировал основные выводы комиссии. Присутствовавший на пленуме представитель ЦК Иван Капустян (*Капустян Иван Ксенофонтович – заместитель заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС. – Примеч. ред.*) – человек прямой и твердый – взял слово, огласил для начала саму записку, а затем дал нелестную оценку поведению первого секретаря обкома.

Я тогда отметил для себя, что свердловский секретарь неадекватно реагирует на замечания в свой адрес. К этому прибавилось такое наблюдение: как-то в разгар дискуссии на сессии Верховного Совета Ельцин покинул зал, опираясь на чью-то руку. Многие заволновались – что произошло? Доброхоты успокоили: ничего, мол, особенного, подскочило давление. А земляки улыбались: с нашим первым секретарем случается, иной раз перехватит лишнего. Поскольку в памяти всплыли эти факты, я решил побеседовать с Рыжковым, он ведь в бытность руководителем Уралмаша был членом Свердловского обкома.

– Наберетесь вы с ним горя, – ответил Николай Иванович. – Я его знаю и не стал бы рекомендовать.

Это заявление усилило мои сомнения. Лигачев, ведавший кадрами, предложил:

– Давайте я съезжу в Свердловск, посмотрю на месте.

Выехал, через несколько дней звонит:

– Я здесь пообщался, поговорил с людьми. Сложилось мнение, что Ельцин – тот человек, который нам нужен. Все есть – знания, характер. Масштабный работник, сумеет повести дело.

– Уверен, Егор Кузьмич?

– Да, без колебаний.

Так Ельцин оказался в ЦК. При его оформлении состоялась у нас короткая беседа, она мне не запомнилась. Работать начал он активно и на фоне

предшественника выглядел неплохо. В то время пришлось повсюду “высматривать” людей деятельных, решительных, отзывчивых ко всему новому. Их в верхнем эшелоне, так сказать, поблизости, было не слишком много. Ельцин мне импонировал, и на июльском Пленуме я предложил избрать его секретарем ЦК. Не скрою, делал это, уже “примеривая” его на Москву...».